

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

И НИКАКОГО ИНОГО ПАМЯТНИКА

«Мир весь общая могила священная
есть, на всяком бо месте прах отец
и братий наших».

Акафист об упокоении усопших. Кондак 8.

Перечитывая биографию Н.С. Лескова, узнаю, что великий писатель завещал похоронить его «самым скромным и дешёвым порядком», просил никогда не ставить на могиле «никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста», считая, что наш русский православный памятник – дубовый крест с голубцом – и более ничего. И ставится он на могиле в знак того, что здесь погребён христианин; а о делах его и значении не следует писать и возвещать, потому что все земные дела – тлен и суета. Наш знаменитый земляк знал наверняка, почему многих великих камнями не прессуют, а всего лишь «означают» крестом. Там, где от этого отступают, отступают от древнего родительского обычая.

Справа от большака, на подходе к нашему селу, на макушке горы Поповки, виднеется старинный деревенский погост. Три дальние стороны его окружают хлебные поля, а та, где ворота, подступает к самой дороге. Над аркой, у входа высится восьмиконечный крест, снабжённый

небольшой «крышей», защищающей от непогоды осиянный образ Казанской Пресвятой Богородицы. Простенькая икона в потускневшем окладе дни и ночи хранит многовековую память о моих односельчанах.

Сколько раз входила я под сень кладбищенских вековых деревьев! Помню: с малых лет крошила здесь, на родные могилы, с бабушкой на Радоницу пасхальный кулич, лакомилась (не задумываясь, что кладбищенская) спелой земляникой в Духов день. Пока бабушка «правила могилочки» я, без страха (одолевало любопытство) успевала облазять меж холмиков и оградок погост, блуждая вдоль и поперёк по чуть приметным, поросшим простенькими цветиками-муравками, тропинкам. Спустя много лет, прочту у Арсения Тарковского:

«Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли. К одной могиле
Другая плотно прилегла.
Земля – прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убила
И кто убил: на мёртвой пыли
Горит печать добра и зла.
Поверх земли мятутся тени
Сошедших в землю поколений...»

Старое кладбище, времён крепостного права, окружает высокий вал, непролазно поросший простушкой-сиренью. Этими бледно-лиловыми зарослями мир прошлого отгородился от недоступной ему земной жизни. Деревья, посаженные внутри или за оградками, никогда не пилят. Считается, что они священны. Кладбищенские берёзы и ели, дожив до почтенного возраста, умирают сами. Их придают огню тут же, недалеко от входа, подсыпая затем пепел под кусты шиповников и жасминов.

В плотной тишине, нарушаемой лишь цвельканьем пронырливых синиц, да редким вскаркиванием важных, словно примогильные служки, ворон, беззвучно суетятся, пристроившиеся к кладбищенским законам, шнырькие ящерки. Непривычно стремительно исчезают, напекор времени, остановившемуся здесь на веки вечные.

Невольно подумает: враки это всё, мол, человек – хозяин, наиглавнейший на Земле. По воле Божией приходим мы в этот мир и по его же

Всевышней воле покидаем порою опостылевший, и всё же такой любимый белый свет. Каждый в свой роковой час, но обязательно все... без предпочтений.

Среди обычных крестов на нашем погосте то тут, то там встречаются замшелые, древние, с кровелькой - голубцы. Мимо них даже мне, девочке не из пугливых, было боязно проходить. Казалось, заденешь ненароком покосившийся, поросший мхами-лишайниками крест, и он тут же рухнет, рассыплется в прах, в мельчайшую пыль. А может это и не голубец вовсе, а сама древняя древность. Мало ли чего можно от неё ожидать?!

Кладбище, как исстари повелось, показатель поэтического и художественного вкуса народа. И наши предки, и мы украшаем то, что нам дорого. Для меня, может быть, это осталось из детства, погост – таинственный, непостижимый, сказочный мир. И старинный голубец в нём до сих пор не последний персонаж. Может, подкупает очарованием своих самобытно-чистых форм?

Голубец на русском погосте так же органичен, как запах цветущего шиповника, кипенные кусты жасмина, пуговики дикой герани. Сомневалась в рукотворности позеленевших от времени крестов, настолько ощутима их слитность с праматерью Природой, словно кресты эти старинные - её детища. Как бездонные небеса над верхушками вырвавшихся из зарослей сирени берёзок, как тихоструйная, пескариная Крома, стеснительно прячущая свои воды в прибрежных осоках под Поповкой, как разукрашенные перламутровыми лишайниками камни-валунки у Василёва переезда.

Вероятно, в деревне нашей когда-то жили и староверы, такой крест-голубец более распространён на их кладбищах. У нас хоронили всех на одном погосте, а потому и крестов каких только на нём не ставили. Бабушка моя по этому поводу говаривала так: «Что ни мужик – то вера, что ни баба – толк».

Давным-давно уж принято считать крест-голубец символом исконно русской культуры, старины. А потому наиболее распространённой формой древних надгробных памятников на Руси являются столбики-голубцы*. В. Даль относил их к древнейшему периоду нашей истории. Происхождение столбцов связывают с языческими идолами, а также с описанным в «Повести временных лет» обычаем хоронить прах умерших после сожжения в урнах на столбах. Так бы-

ло заведено и у радимичей, и у вятичей, и у кривичей дохристианской и раннехристианской Руси. Несмотря на запреты, голубец прочно вошёл в православную культуру в виде креста с двускатным покрытием из двух досок, объединяющим три верхних конца. Порою можно встретить и более сложные сооружения: развитая кровля с охлупнем, причелинами и помещённым в средокрестии объёмным киотом, что напоминает крошечную часовню, а потому об упреках в язычестве не может быть речи.

Всё это я узнала намного позже, а в детстве меня разжигало простое любопытство. Чуть повзрослев, набравшись смелости, я отдирала мхи с поверхности окаменевших тесин, обнаруживала, что они обработаны контурной резьбой. Торцы выкрошились, но порой можно было ещё различить их причудливость. Встречались и круглые, и восьмигранные без убора с длинноскатной кровлей. Они, словно сухопарые седые старцы (до двух метров высотой) возвышались над сровнявшимися с землёй могилами. Порой в верхней части, под кровелькой удавалось обнаружить почти истлевший киот с медным образом, а коли повезёт, то и с частью еле различимого складня. Однажды посчастливилось: в самом центре погоста, пробравшись в заросли крушинника, отыскала почти упавший массивный голубец. На самом верху – крошечная совсем развалившаяся часовенка. Концы тесин – наконечники стрел. А столбик с несколькими перехватами и обильной резьбой: тут и колобки, и верёвочки, и горбыльки, и бусинки.

Я наловчилась очищать голубцы - мхи и лишайники шапками снимались с дубовых тесин, только поддень их острой щепочкой. Резьба разнообразна, но всё-таки вся она сочетала крупные упругие линии и формы с мелкими ритмично чередующимися деталями. Казалось, мастера изощрялись друг перед другом в умении передать особым рисунком характер того, в память о ком ставился памятник. У каждого столбца обнаруживалось своё лицо!

Позже, увлечшись древней историей, я узнала, что многие элементы декора сложились именно тогда, в дохристианской Руси. Например, круглая розетка на причелинах олицетворяла солнце, зубчатый городок – символ плодородия Берягини, а изукрашенное причудливой резьбой «полотенце» под коньком - знак жизненной чистоты. Встречались голубцы, у основания которых – зубчатые линии. Известно, что это – древние водные символы. Цветок над та-

кими линиями – солярный знак – солнце, плывущее ночью по подземной реке. Тесины голубцов окрашивали в небесные цвета, а солярные знаки на них имели ярко жёлтые расцветки.

Придумана эта форма деревянного зодчества давным-давно, и многие традиции, на основе которых она возникла, уже позабыты. Но стоят ещё кое-где на погостах редкостные памятники старины – кресты - голубцы.

Иногда в лесной глуши, в самой её чащобе нет-нет, да и встретишь последнего свидетеля невооружённо минувших времён - замшелый крест с часоушкой на кровле, с иконкой покровительницы Руси - Пресвятой Богородицы, с причудливой солярной символикой.

Обнаружишь его, и захочется заглянуть подалее в историю своего народа, узнать, чему он радовался, какие песни пел, отчего кручинился.

По всей Руси расселились наши пращуры. Из года в год кипела и волновалась жизнь по древним поселениям: одни рождались, другие умирали. В одной хате радость – сын на свет белый народился, в другой – панихиду затаили: отошла в мир иной старуха-мать. На деревенском погосте прибавлялся крест, семья ставила вблизи родных могил новый голубец. С тех стародавних времён и считается русской национальной формой надгробия «голубец»: восьмиконечный крест с двускатным покрытием или завершённый резной столбик, на котором укреплен медный крестик.

Помнится, брали мы с бабушкой землянику в дальнем Куманёвом лесу и натолкнулись на стар-голубец. Сели подле него потрапезничать-передохнуть. Сморило меня, уж и задремала, вдруг слышу: то ли поёт бабуля, то ли плачет. Грустно так, будто по близкому стонет, песню прабабкину тянет:

«Со восточной со соронушки
Подымались да ветры буйные
Со громами да со гремучими,
С молоньями да со палючими;
Пала, пала с небеси звезда
Всё на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ка ты, громава стрела,
Ещё матушку да мать – сыру землю!
Развались-кося ты, мать-земля,
Что на все четыре стороны!
Скройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белы
От ретива от сердечушка.

Разожмитесь, да уста сахарные.

Обернись-кося, да мой родимый батюшка
Перелётным ты, да ясным соколом,
Да слетай-кося да на сине море,
Да на сине море, да Хвалынское,
Ты обмой-ко, родной мой батюшко,
Со белава лица ржавчину;
Прилети-ко ты, мой батюшко,
На свой ет да на высок терем.
Всё под кутисё * да под окошечко,
Ты послушай-ко, родимый батюшко,
Горе горьких наших песенок».

То ли об ушедших родных печалилась бабушка, то ли выплакала на безымянной лесной могиле разом горечь за всех наших баб. По всем без вести пропавшим, ни за что убиенным, бесследно сгинувшим на безмерных русских просторах за века дремучие, долгие. Как бы то ни было, только и по сей день не могу позабыть той песни, врезалась она с единого раза в мою генетическую память, да так и осела где-то у самых её истоков. Рядом с накопленной за века предками моими вятчами, впитанной с молоком матери, любовью ко всему истинно славянскому.

Вероятно, это кровь древних русичей радостно вскипает во мне, и сладостно тоскует по приокским лесным кушам и безбрежным степным просторам, когда в Третьяковке простаиваю я часами в зале Михаила Нестерова. Чуден и многогранен мир этого великого художника, как и прекрасна земля, породившая его. С нескрываемой любовью создавал он ряд женских и мужских образов в традиционных русских одеждах. Широкие сарафаны, белые расшитые сорочки, большие цветастые платки. Героев окружают обыденные предметы. Это и деревянные бабьи, и коромысла, и рубленые колодцы, и ковши, и те же голбцы.

Мне близко понимание, ощущение автором Родины – это не феерический мир знати, а простолюдинная Русь с её лесистыми холмами и ковыльными долами, с бело-розовыми кувшинками в первозданных затонах, с васильковой просинью среди поспевающих хлебов. Русь М. Нестерова такая же, как и моя: то скромно-сдержанная, то сказочно-таинственная. С полотен прямо в душу смотрят её «из простых простые» святые и герои, купцы и крестьяне, монахи и странники - мой родной народ, живущий испокон веку дедовскими заветами, следуя за Христом. Посмотришь на мастерски выписан-

ные древние погосты, на Соловецких пустынников, на застывших, словно вне времени старцев и тут же уверуешь: русский народ – воистину являлся носителем православной цивилизации.

Каждый раз, приезжая на малую родину, вижу Нестеровские дали, просторные – не объять – небеса. Встречаю лица с его полотен. Здесь, у нас, на наших просёлках, на наших лесных стёжках.

Застала я за Сенькиной околицей последний придорожный голубец в нашей округе. Сказывают деревенские такую быль. Пришёл когда-то на ручей Жёлтый пращур мой вятич. Срубил избу, зажил семьей. Только рождались у него в дому одни дочери, не дал Бог наследника. А без него, знамо дело, и семья – не семья. Затосковал мужичок и поставил у тропинки, ведущей в хуторок обетный крест с треугольной тесовой кровелькой. А через некоторое время понесла его жена тройню. Да все – парни!

Сколько воды утекло в Жёлтом с тех туманных пор, сколько голбцов источило время за хуторской околицей! А тот, последний, остался навсегда в моей памяти. Дубовый, двухметровой высоты. Склонил главу свою на правый бок, словно всматривался в даль: не видать ли откуда ворога. Стоял старинный голубец на страже у въезда в деревеньку, охранял Репейный просёлков. А иконка Пресвятой Богородицы из-под кровельки простирала свой благословенный Покров на хаты и пашни, оберегая скудные крестьянские радости.

Выбегая за околицу встретить корову из стада, мы усаживались вблизи голбца, у Сладкого родника. Водича в источнике, по заверениям стариков, была святая. А потому, с детства нас приучили обращаться с нею бережно. Напившись из ковшика, что висел тут же на раковитовом сучке, располагались чуть поодаль.

Вокруг креста носились ласточки, гонялись за мошками, возвращались к ненасытным птенцам, пищавшим в гнезде под самой кровелькой. Гнездышко это никто (даже Лёха Басурман!) никогда не разорял – Божии пташки.

Каждой весной дед Федот, деревенский старожил, выползал за околицу собственноручно подкрасить, «лазоревой» краской столбец, перекладинку и кровельные тесинки. Перед работой, прикрыв глаза, долго стоял на коленях у подножия креста. О чём он беседовал с Божьей матерью, никто не ведает. Мало ли накопилось печалей за такую-то долгую жизнь у осиротевшего старика. Поделится ими особо не с кем, разве что Казанской открыться.

За лето дикий выюн, проскальзывая по волнистым зазубринам и насечкам до самой кровли, густо украшал столбец нежно-розовыми граммафончиками. Дед сдёргивал прошлогоднюю повитель и, перекрестившись в последний раз, принимался за работу. Мы, готовые в любую минуту подскочить на подмогу, крутились около. Но Федот, занятый самым важным для него делом в году, не обращал на нас никакого внимания. Да разве мог он доверить мальчикам свою работу о хуторском хранителе – старинном кресте-голубце?!

Закончив ежегодный ритуал, старик важно крякал, вытирал кисти и руки пучком травы, степенно крестился на образок, говоря каждый раз одну и ту же фразу: «Пресвятая Богородица! Защити нас!» Полагая, что этого достаточно, чтобы обошли стороной беды-несчастья, чтобы весь год над хутором сияло солнце, за околицей не полёг хлебушек, чтобы велась по подворьям скотинка. А самое главное, чтобы в семьях земляков царили лад да покой.

Детвора к голубцу приближаться остерегалась, но относилась всегда с почтением. Проходя мимо, в луга на сенокос ли, в ближнюю рощицу за ягодкой-малиной ли, родители наши сбавляли ход, кланялись и крестились, а потому и мы, ребятня, крестились за ними в след.

Парни девушкам неподалёку назначали свидания, бабы тайком прибегали сюда поплакаться о своей незадавшейся доле, мужики, как бы ненароком, заглядывали подумать думки крестьянские, попросить Богородицу о защите.

На Троицу и Духов день водили здесь «карогоды», увешивали голбец берёзовыми венками.

Лето пробегало по пыльному просёлку мимо креста за Сычин бор, за Большой лог, догоняя взбалмошных непоседливых касаток. Над золотистым жнивьем парила «богородичная пряжа». С первыми морозами на кресте поникала весёлая повилика. И уже не понять, Казанская ли грустит-печалится, или пронырливая струйка морозящего неделю напролёт дождя, пробралась сквозь обветшавшую кровельку, и прозрачной слезкой стекает по иконе на ворох раковитовых листьев, нанесённых занудными ветрами к подножию голбца.

Заблудились мы однажды с дедушкой в зимнее ненастье. Конь из сил выбился, ветер крепчал, впереди – низги. И вдруг, прямо перед нами – голбец, наклонился, почти из сугроба не видать, тесинку от кровельки оторвало, закружило, в поле понесло. Крест промёрз, закалянял, аж звенит. Но держится, стоит! Службу свою

праведную несёт. Как мы ему обрадовались! Оказывается, два часа водил нас бес вокруг деревни, пока голубец не повстречали. А может, он сам нас отыскал, не дал согнуться?

А ещё - жил у нас когда-то охотник по кличке Сохатый. Перед тем, как в лес идти, приладил-ся на околицу, к кресту заглядывать. Положит к подножию с вечера травку «голубец болотный», спозаранку заберёт, приговаривая: «Пойду в лес легко и смело, вернусь с добычей и целый». Травку на груди в мешочке на охоту прихватит. И будет верить, что с ней, с травкой этой освящённой, никакой зверь его не тронет.

В семье моей всегда почитался праздник Воздвижения Креста Господня. Он выпадал на последний день Бабьего лета. Праздник этот постный, а потому, стряпая голубцы с маслятами или рыжиками, бабуля приговаривала: «На Воздвижение зипун с шубой сдвинется. Воздвижение – последняя копна в поле движется». Именно в этот день, в давние времена ставились обетные придорожные голбцы, водружались кресты на новых храмах. Бабушка рассказывала о том, как на Воздвижение в былые времена участвовала она девчонкой в крестном ходе вокруг деревни – для ограждения от всякого лиха на круглый год. В каждой хате на стол подавалось блюдо из капусты – голубцы.

Время неустанно бежит вперёд. И вот уже

почти совсем не заметны следы нашей родной старины. Грустно... чувствую, как безвозвратно теряются исконно русские понятия. Всё чаще слышу: «Я – гражданин планеты». Обезличивание, обесценивание накопленных столетиями национальных ценностей ни к чему хорошему не приведёт. Потеря генеалогической памяти – страшная прогрессирующая болезнь нашего века. Наверно, оттого так отрадно мне нечаянно увидеть у дорог на Орловщине свежеработанные кресты-голубцы с образом Пресвятой Божьей Матери. Потому с великой радостью встретила я и весть о вновь обрётённом моими земляками православном храме во имя преподобного Сергия Радонежского. Церковь-красавица высится на той же горе Поповке, где в зарослях сирени приютился наш древний погост, где хранится «память и грусть моей родины милой». У большака – новый, дубовый, пятиметровый крест-голубец. Смотрю на него и сердце тает, и вспоминаются Бунинские строки:

«В лесу, в горе, родник, живой и звонкий,
Над родником – старинный голубец
С лубочной почерневшею иконкой,
А в роднике берёзовый корец.
Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней рабской нищеты,
Но этот крест, но этот ковшик белый –
Смиренные, родимые черты!»

* голбец = голубец

* кут – угол в крестьянской избе; Красный угол

В 2012 году Татьяна Грибанова стала лауреатом Международного конкурса «Звезда полей – 2012» имени Н.М. Рубцова. Редакционный совет альманаха поздравляет Татьяну Ивановну с творческим успехом и желает ей новых побед, здоровья и счастья!

